

I

Лотос

Когда-то давным-давно в пустыне жили отшельники. По берегам Нила были разбросаны сооруженные ими из веток и глины бесчисленные хижины, находившиеся, однако, одна от другой на таком расстоянии, чтобы их обитатели в случае необходимости могли помочь друг другу. Коегде над хижинами высились церкви, увенчанные крестами, и монахи ходили туда по праздничным дням, чтобы принять участие в богослужениях и причаститься. На самом берегу реки стояли также обители, в которых затворники, заточившиеся каждый в отдельной келье, селились лишь для того, чтобы еще более ощутить одиночество.

Отшельники и монахи соблюдали воздержание и принимали пищу только после захода солнца, вкушая лишь хлеб с толикой соли и иссопа¹.

¹ Иссоп — пряное растение, которое использовалось также в качестве кропила. (*Здесь и далее прим. пер.*)

Некоторые, уходя далеко в пустыню, находили себе пристанище в какой-нибудь пещере или гробнице и вели еще более уединенную жизнь.

Все блюли целомудрие, носили власяницу и куколь, спали на голой земле после долгих бдений, молились, пели псалмы — то есть каждый день совершали чудеса покаяния. Памятуя о первородном грехе, они отказывали своему телу не только в радостях и удовольствиях, но даже в той заботе, которая считается необходимой в соответствии с мирскими представлениями. Они считали, что наши болезни очищают наши души и что лучшим украшением плоти являются язвы и раны. Так исполнялось слово пророков, сказавших: «Пустыня покроеется цветами».

Некоторые жители этой святой Фиваиды¹ проводили свои дни в созерцании и аскетизме, другие зарабатывали на пропитание плетением пальмовых волокон или нанимались на время жатвы работниками к местным земледельцам. Язычники подозревали, что некоторые монахи живут разбоем, присоединяясь к кочевникам-арабам, грабящим караваны. Однако отшельники презирали богатство, и фимиам их благочестия возносился к небесам.

¹ Фиваида — название Верхнего Египта, от греческого названия его столицы Фив.

Ангелы в обличье молодых людей с посохами в руках навещали жилища отшельников как путешественники, а демоны под видом эфиопов или диких зверей бродили поблизости, пытаясь ввести их в искушение. Придя утром к источнику, чтобы наполнить кувшины водой, монахи видели на песке следы сатиров и кентавров. С духовной точки зрения Фиваида являла собою поле битвы, где непрерывно, но особенно ночью, происходили священные сражения между Небесами и преисподней.

Аскеты, осаждаемые полчищами нечистых, защищались от них благодаря вере в Бога и ангелов его, приняв обет покаяния и умерщвления плоти. Иногда жало плотских желаний терзало их так жестоко, что они вопили от боли, и их стенаниям вторил под звездным небом хохот голодных гиен. И тогда демоны представляли перед ними в соблазнительных обличьях. Ведь бесы могут иногда прикрыть свое уродство внешней красотой, которая не даст увидеть их подлинную сущность. Аскеты Фиваиды жили в своих кельях в страхе, созерцая дивные образы, которых не могли себе даже вообразить величайшие мирские распутники. Но на отшельниках был знак креста, и это помогало им не поддаваться искушению — потому злые духи бежали на заре, приняв свое истинное обличье, исполненные стыда и ярости. Нередко можно было встретить утром одного из них, шедшего прочь

в слезах и отвечавшего на вопросы так: «Я стесняю и плачу, потому что один из живущих здесь христиан отхлестал меня розгами и изгнал с позором».

Старейшины пустыни распространяли свою власть на грешников и неверных. Их доброта подчас бывала ужасна. Они унаследовали от апостолов право карать за преступления против истинного Бога, и ничто не могло спасти тех, кого они осудили. Жители других городов и даже Александрии с ужасом говорили о том, что земля разверзалась, поглощая грешников, которых они ударяли своим посохом. Поэтому их очень боялись люди, ведущие жизнь неправедную, особенно актеры-мимы, шуты, женатые священники и блудницы.

Праведность этих монахов была такова, что им подчинялись даже свирепые звери. Когда один отшельник готов был уже отойти в мир иной, лев лапами вырыл ему могилу. Святой отец, догадавшись по этому знаку, что Бог призывает его к себе, пошел облобызать своих собратьев на прощание. Затем он с радостью лег в могилу, чтобы почтить в Бозе.

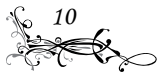
И вот, когда Антоний, которому было уже более ста лет, удалился на гору Кольцинскую со своими любимыми учениками Макарием и Амафасом, не было во всей Фиваиде монаха более усердного, чем Пафнутий, антинопольский на-

стоятель. По правде говоря, Ефрем и Серапион руководили множеством монахов и прославились земным и духовным руководством своих монастырей, но Пафнутий более строго держал пост и иногда голодал по три дня подряд. Он носилласяницу более жесткую, бичевал себя утром и вечером и часто падал ниц и долго лежал на земле.

Его двадцать четыре ученика, построившие хижины рядом с пристанищем отшельника, подражали его аскетизму. Он горячо любил их во Христе и постоянно призывал к покаянию. Среди его духовных чад были мужчины, которые много лет занимались разбоем, но увещания праведного настоятеля растрогали их настолько, что они приняли монашеский постриг. Чистота их жизни стала примером для их собратьев. Был среди них и постоянно ливший слезы бывший повар королевы Абиссинии, которого тоже обратил в истинную веру антинопольский настоятель, и диакон Флавиан, который отлично знал Писание и был наделен даром красноречия. Но самым замечательным из учеников Пафнутия был молодой крестьянин по имени Павел, которого прозвали Юродивым за крайнюю наивность. Люди смеялись над его простодушием, но Бог к нему благоволил и наделил его даром пророчества, посылая ему видения.

Пафнутий заслужил благодать, посвящая все время обучению учеников и практике аскетизма. Он также часто размышлял над священными

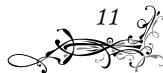
книгами, стараясь найти в них аллегории. Вот почему, будучи еще довольно молод, он имел множество заслуг. Бесы, осаждавшие добрых отшельников, не осмеливались приблизиться к нему. Ночью, при свете луны, семь маленьких шакалов сидели возле его хижины неподвижно и тихо, наострив уши. Считают, что это были семь демонов, которым он преградил путь силою своей святости.

Пафнутий родился в Александрии и был сыном благородных родителей, которые обучили его светским наукам. Его вводили в соблазн вымыслы поэтов, и в ранней юности он так заблуждался, а мысли его шли по столь неверному пути, что он верил, будто род людской утонул в водах потопа во времена Девкалиона¹, и дискутировал со своими соучениками о природе, символах и даже о самом существовании Бога. Он вел тогда беспутную жизнь, подобно всем язычникам. Об этом времени он вспоминал со стыдом и смирением.

— В те дни, — говорил он братьям, — я предавался ложным удовольствиям.

Он хотел этим сказать, что ел искусно приготовленные мясные блюда и посещал общественные бани. И так в миру жил он до двадцати лет

¹ Согласно греческому мифу, сын Прометея, правитель, переживший потоп.

жизнью, которую следовало бы скорее назвать смертью. Но, вняв наставлениям отца Макрина, стал другим человеком.

Пафнутий имел обыкновение повторять, что правда пронзила его, будто кинжал. Он уверовал в крестный путь и возлюбил распятого Христа. После крещения он еще год оставался среди мирян, где его удерживала сила привычки. Но однажды, войдя в церковь, он услышал, как дьякон читает стих из Святого Писания: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». Он сразу же продал все свое имущество, раздал нищим вырученные деньги и принял монашеский постриг.

И те десять лет, которые провел вдали от людей, он больше не предавался плотским утехам, но залечивал тело и душу целительным бальзамом покаяния.

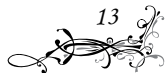
Итак, однажды, когда по своей благочестивой привычке он вспоминал часы, прожитые вдали от Бога, и анализировал все свои ошибки, чтобы постичь все их безобразие, он вспомнил, как в театре Александрии увидел красавицу-актрису по имени Таис. Эта женщина выступала на сцене, не гнушаясь участвовать в танцах, движения которых, отработанные с невероятной точностью, отражали самые похотливые страсти. Она также изображала некоторые из тех постыдных действий, которые языческие мифы приписывают

Венере, Леде или Пасифае¹. Так она разжигала в зрителях огонь похоти; а когда красивые юноши или богатые старики, воспылав к ней любовью, вешали гирлянды цветов над дверью ее дома, она их принимала и отдавалась им. Погубив свою душу, она погубила и множество других.

Таис чуть было не ввела в плотский грех и самого Пафнутия. Она зажгла в его крови желание, и однажды он приблизился к дому Таис. Но на пороге дома блудницы его остановила естественная робость ранней юности (ему тогда было пятнадцать лет) и боязнь быть отвергнутым из-за отсутствия денег, ибо его родители следили за его расходами. Бог в своем милосердии поставил эти две преграды, чтобы спасти юношу от падения. Но Пафнутий сначала вовсе не был ему благодарен, так как в то время плохо понимал собственное благо и жаждал ложных утех. Итак, стоя на коленях в своей келье перед деревянным крестом, на котором был распят Спаситель мира, Пафнутий думал о Таис, ибо она была его грехом, и он долго размышлял с точки зрения аскетизма о страшном уродстве плотских утех, вкус к которым разбудила в нем эта женщина, о днях смущения и невежества. После нескольких часов таких размышлений образ Таис предстал перед ним чрезвычайно ясно.

¹ Согласно греческим мифам, Венера — богиня страсти, Леда полюбила Зевса, явившегося к ней в образе лебедя, а Пасифая воспылала страстью к быку.

Она явилась ему искусительницей, прекрасной во плоти своей. Сначала она предстала перед ним в образе Леды, раскинувшейся на богатом ложе, запрокинув голову. Глаза ее были влажны и метал молнии, ноздри трепетали, рот был приоткрыт, молодая грудь прекрасна, а руки напоминали два ручейка. Представляя себе ее, Пафнутий бил себя в грудь и повторял:

— Господь мне свидетель, я осознаю всю гнусность моего греха!

Однако образ незаметно менялся. Опущенные кончики губ Таис свидетельствовали о ее тайном страдании. В расширившихся глазах ее сверкали слезы, из груди вырывались стоны, а дыхание было прерывистым. При виде ее преобразования Пафнутий был смущен до глубины души. Простершись на земле, он начал читать молитву:

— Ты, вселивший в наши сердца жалость, подобную утренней росе на лугу, справедливый и милосердный Боже, будь благословен! Слава, слава тебе! Избави раба Твоего от этой ложной нежности, которая ведет к похоти, и позволь мне любить все создания только в Тебе, ибо они переходящи, а Ты вечен. Если меня и интересуется эта женщина, то лишь потому, что она Твое творение. Сами ангелы заботливо склоняются над нею. Разве она не есть, Господи, Твое дыхание? Нельзя позволить, чтобы она продолжала грешить со столькими своими согражданами и иноземцами.

Великую жалость испытываю я к ней. Преступления ее отвратительны, при одной мысли о них я содрогаюсь и чувствую, как волосы мои становятся дыбом. Но чем более она виновна, тем сильнее я должен ее жалеть. Я плачу, думая о том, что бесы будут терзать ее вечно.

Размышляя подобным образом, он увидел, что маленький шакал сел у его ног. Он был чрезвычайно удивлен, так как дверь в его келью была заперта с утра. Животное как будто прочитало мысли монаха и завиляло хвостом, как собака. Пафнутий перекрестился: зверь исчез. Поняв тогда, что впервые дьявол проскользнул в его комнату, он прочитал краткую молитву, а потом снова подумал о Таис.

— С Божией помощью, — сказал он себе, — я должен ее спасти!

И уснул.

На следующий день, помолившись, он отправился к святому человеку, Палемону, который в некотором отдалении от его хижины вел жизнь отшельника. Пафнутий застал его в саду, где тот по своему обыкновению со спокойной улыбкой копал землю. Палемон был стар, дикие звери лизали ему руки, а бесы уже не мучили его.

— Хвала Господу, брат Пафнутий! — сказал он, опершись на лопату.

— Хвала Господу! — ответил Пафнутий. — Да пребудет с тобой мир, брат мой!

— И с тобой да пребудет мир, брат мой Пафнутий! — ответил старец Палемон, утирая рукавом пот со лба.

— Брат Палемон, все наши речи должны славить Того, кто обещал прийти к людям, которые собираются во имя его. Вот почему я хочу поговорить с тобой о том, что задумал совершить во славу Господню.

— Да благословит Господь твой замысел, Пафнутий, так же, как он благословил мой салат! Каждое утро он благословляет меня росой в моем саду, а я славлю его огурцами и тыквами, которые он мне посылает. Помолимся же, чтобы он и впредь даровал нам покой, ибо нет ничего страшнее смятения, терзающего наши сердца. Когда наше сердце мечется, мы становимся похожи на пьяниц и шатаемся то вправо, то влево, готовые постыдно упасть. Иногда эти метания вызывают у нас бурную радость, и тот, кто ей предается, оскверняет воздух безбожным хохотом. Эта постыдная радость ввергает грешника во всякого рода прелюбодеяния. Но иногда также это смятение души и чувств ввергает нас в кошунственную грусть, в тысячу раз более пагубную, чем радость. Брат Пафнутий, я всего лишь несчастный грешник, но за долгую жизнь понял, что у отшельника нет большего врага, чем грусть. Я говорю о том глубоком унынии, которое окутывает душу, как туман, и скрывает от нее

свет Господень. Нет ничего более опасного для спасения души, и дьявол одерживает самую большую победу, когда вселяет это испепеляющее черное чувство в душу монаха. Если бы посылал нам лишь радостные искушения, он и наполовину не был бы так опасен. Увы! Ему прекрасно удастся нас печалить. Разве не посылал он нашему отцу Антонию видение черного ребенка такой красоты, что вид его вызывал слезы? С Божией помощью наш отец Антоний избежал искушения дьявола. Я познакомился с ним, когда он еще жил среди нас; он радовался вместе со своими учениками и никогда не впадал в уныние. Но ведь ты, брат мой, пришел рассказать мне о своем замысле? Я буду рад, если ты поведаешь мне о нем, если только это замысел во славу Господню.

— Брат Палемон, я истинно хочу славить Господа. Укрепи же меня своим советом, ибо ты многоопытен и грех никогда не затмевал света твоей мудрости.

— Брат Пафнутий, я недостойн того, чтобы развязать ремешки твоих сандалий, и прегрешения мои так же бесчисленны, как песчинки в пустыне. Но я стар и опытен и не откажу тебе в помощи советом.

— Признаюсь тебе, брат Палемон, что я стражду, думая о том, что живущая в Александрии гетера по имени Таис пребывает во грехе и вводит людей в соблазн.